

На правах рукописи

Горончаровский Владимир Анатольевич

**ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
БОСПОРА В СЕРЕДИНЕ I В. ДО Н.Э.- СЕРЕДИНЕ III В. Н.Э.**

07.00.06 - археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2005

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Пьянков Игорь Васильевич
доктор исторических наук, профессор Фролов Эдуард Давидович
доктор исторических наук Щукин Марк Борисович

Ведущая организация: Санкт-Петербургский филиал Института
русской истории РАН

Защита состоится " ____ " _____ 2005 г. в 14.00 часов на
заседании Диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте
истории материальной культуры РАН по адресу: Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории
материальной культуры РАН.

Автореферат диссертации разослан " ____ " _____ 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

П.Е. Нехорошев

Актуальность темы. В разработке вопросов, связанных с историей и культурой Боспорского государства, греко-варварскими взаимодействиями в этом регионе, изучению военного дела принадлежит особое место. Античные города Боспора буквально с момента своего основания оказались втянутыми в сложные, подчас враждебные отношения с окружающими варварскими племенами. Специфика местных условий не могла не вызвать определенную трансформацию комплекса вооружения боспорских воинов и тактических приемов ведения боя. К началу нашей эры этот процесс зашел достаточно далеко в связи с интенсивной инфильтрацией выходцев из сарматской среды в состав населения Боспора с одной стороны и усиленной военизацией его жизни с другой. В то же время в военном деле Боспорского царства, втянутого в войны Митридата VI Евпатора с Римом и ставшего позднее вассальным по отношению к нему государством, были отчасти использованы достижения римского военного искусства. Актуальность исследования военного дела Боспора от времени правления Фарнака до Готских войн, когда оно развивалось в контакте с Римом с одной стороны, и сарматским кочевым миром, с другой, определяется тем, что эта проблема напрямую связана с пониманием целого ряда вопросов политической истории и изучена крайне неравномерно. К тому же в предшествующих работах по данной тематике зачастую отсутствовал комплексный подход к источникам.

Основная цель работы - представить общую картину развития военного дела Боспора и его военно-политической истории на протяжении трех столетий, с середины I в. до н.э. до середины III в. н.э. В связи с этим решались следующие **задачи**: анализ письменных и эпиграфических источников и сопоставление их с археологическими материалами; выявление особенностей развития военного дела Боспора, обусловленных взаимодействием с варварским ираноязычным окружением и влиянием римского военного искусства; всестороннее изучение предметов наступательного и защитного вооружения, происходящих с территории Боспора, а также памятников искусства с их изображениями, и уточнение их датировки; создание графических реконструкций комплектов вооружения боспорских всадников и пехотинцев.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с середины I в. до н.э. по середину III в. н.э. Выбор их не случаен, поскольку нижний рубеж определен временем вхождения Боспора в сферу влияния Римской империи, когда он стал рассматриваться как государство с помощью которого можно контролировать военно-политическую обстановку в Северном Причерноморье и на границах ближайших к нему провинций. Верхний хронологический рубеж, в свою очередь, связан с значительными потрясениями периода готских походов, в результате которых меняется этно-политическая ситуация в Северо-Восточном

Причерноморье, а хорошо налаженные военная организация и система обороны Боспорского царства постепенно приходят в упадок.

Научная разработка данной проблемы началась около ста лет назад, когда происходит переход от частных высказываний по поводу отдельных предметов вооружения, найденных на Боспоре, или их изображений в памятниках искусства к обобщению имеющихся данных. Важным этапом в этом отношении явилась научная деятельность М.И.Ростовцева, отстаивавшего необходимость изучения отдельных категорий северопричерноморских древностей, в том числе и оружия, на качественно новом уровне. Ряд интересных наблюдений М.И.Ростовцева относительно военного дела Боспора первых веков н.э. мы находим в его книгах "Эллинизм и иранство на юге России" (1918), "Скифия и Боспор" (1925) и отдельных статьях. Главным образом, они касаются организации боспорского войска и роли в нем тяжеловооруженной конницы, отдельных видов наступательного и защитного вооружения всадников и пехотинцев, сарматского влияния на боспорскую паноплию, военных сюжетов на монетах Боспора и военно-сакрального значения существовавших здесь коллегий-фиасов.

В 20-30-е гг. прошлого столетия происходило дальнейшее накопление и ввод в научный оборот археологических материалов, имевших отношение к военному делу Боспора, но тогда еще не получивших должной интерпретации. В немногочисленных обобщающих работах по отдельным аспектам этой проблемы, в основном, использовались данные, накопленные отечественной археологией в дореволюционный период. Так, следуя идеям М.И.Ростовцева, В.Гинтерс собрал в своей книге о скифских и сарматских мечах обширный материал, разбросанный по русским археологическим изданиям, включая данные о боспорских мечах римского времени.¹ Р.В.Шмидт создала сводку основных литературных и архивных данных по вопросу о боспорских оборонительных валах.²

Новый этап в изучении истории и культуры Боспора, в том числе проблем, связанных с военным делом и военно-политической историей, связан с появлением ряда обобщающих работ, например, книги В.Ф.Гайдукевича "Боспорское царство" (1949), которую в отношении периода I в. до н.э.- начала I в. н.э. дополнила монография Е.С. Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры» (1951). Важное место в историографии вопроса принадлежит и работам В.Д.Блаватского. Он впервые на широком историко-культурном фоне, включая характеристику военного дела римлян и сарматов, и с привлечением

¹ *Ginters W.* Das Swert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin. 1928.

² *Шмидт Р.В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. VII. С. 268-279.

значительного круга источников уделил внимание искусству осады и обороны укреплений на территории Северного Причерноморья античной эпохи, специфическим особенностям боспорской тяжеловооруженной кавалерии и фортификации. Сделанные им наблюдения послужили основой для создания единственной пока монографии по военному делу античных государств Северного Причерноморья.³ Впрочем, Боспору первых веков нашей эры в ней было отведено немного места. Более детально рассматривалась интересующая нас проблема в кандидатской диссертации Н.И.Сокольского, посвященной военному делу Боспора (1954).

В трех главах ее второй части автор осветил вопросы состава и комплектования, родов войск, тактики и вооружения боспорской армии I в. до н.э. - IV в. н.э., уделив также определенное внимание вопросам осады и обороны. К сожалению, из текста этой работы были опубликованы лишь разделы о боспорских мечах, щитах и оборонительных валах.⁴

За последовавшие пятьдесят лет происходил стремительный ввод в научный оборот новых археологических материалов. Из немногочисленных обобщающих работ этого периода, имеющих отношение к военному делу Боспора, безусловный интерес представляет монография А.М.Хазанова "Очерки военного дела сарматов" (1971). Можно отметить также очерк Б.Г.Петерса о военном деле античных государств Северного Причерноморья в одном из томов "Археологии СССР" (1984), монографии А.А.Масленникова, затрагивающие вопросы организации обороны территории Восточного Крыма,⁵ а также работы, касающиеся отдельных проблем военно-политической истории Боспора и его взаимоотношений с Римом.⁶ Ряд статей был посвящен анализу прежних и публикации новых

---

³ *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954.

⁴ *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123-196; Он же. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 14-25; Он же. Валы в системе обороны Боспора Киммерийского // СА. 1957. XXVII. С. 91-106.

⁵ *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М. 1998; Он же. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М. 2003.

⁶ *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М. 1979; *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб. 1994; *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130-139; Он же. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151-170. *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев. 1998; *Сапрыкин С.Ю.*, 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М. *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 62-66; *Блаватский В.Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // Античная археология и история. М. 1985. С. 228-233; *Sarnowski T.* Wojsko gzymskie w Mezii Dolnej i na polnocnym wybrzezu Morza Czarnego. Warszawa. 1988; *Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее. // ВДИ. 1993. № 2. С. 51-73; Он же. К находкам металлических деталей римского военного снаряжения и конской сбруи в Северном Причерноморье // РА. 2000. № 2. С. 156-163.

археологических находок, имеющих отношение к военному делу Боспорского государства в римский период.⁷

Последняя попытка свести воедино данные относительно организации и вооружения боспорской армии на всем протяжении его истории была предпринята недавно польским исследователем М.Мельчарек в монографии «Армия Боспорского царства» (1999).⁸ Она стала логичным продолжением его работ, посвященных тяжеловооруженной коннице античного мира, в том числе и боспорской, а также публикации предметов вооружения античного времени, происходящих из Северного Причерноморья в собрании Музея Войска Польского в Варшаве.⁹ Этот автор, безусловно, отличается большой эрудицией в области военного дела античного мира и прекрасным знанием научной литературы на русском языке. Все же, применительно к римскому времени его монографию нельзя признать удовлетворительной в силу краткости изложения ряда важных вопросов, касающихся боспорской конницы и пехоты, а также их вооружения. Более чем скромное внимание в книге уделяется вопросам стратегии и тактики. В то же время, от детального анализа Боспорской войны 45-49 гг., описанной Тацитом, М.Мельчарек отказался, хотя ввел в свой текст небольшую главу "Военные кампании".

Таким образом, интересующая нас проблема все ещё изучена явно недостаточно, с чем связана **научная новизна** такого рода работы, открывающей новые возможности для изучения военного дела и военно-политической истории периферии античного мира и сопредельных варварских территорий. Достижения отечественных и зарубежных ученых в области военной археологии, новые изобразительные и эпиграфические материалы, интересные экспериментальные данные, позволяют под новым углом зрения рассмотреть такие вопросы как организация, вооружение, стратегия и тактика боспорской армии, система обороны границ государства. Этим определяется и **практическая ценность исследования**,

---

⁷ См., напр.: Десятчиков Ю.М., Катафрактарий на надгробии Афения. // СА. 1972. № 4. С. 68-77; Шургая И.Г. Изображения всадника и коня из Илурата. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 96-99; Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201-213; Галль фон Х., Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (истоки восприятия одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174-198.

⁸ Mielczarek M. The Army of the Bosporan kingdom. Lodz. 1999.

⁹ Mielczarek M. Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the Ancient World. Lodz. 1993; Горончаровский В.А. Новая серия публикаций древностей Северного Причерноморья античной эпохи (M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de l'Armee Polonaise a Varsovie. Torun. 1995) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 436-438.

положения и выводы которого существенно уточняют сложившиеся научные представления по данной проблематике и могут быть использованы другими специалистами в области древней истории и археологии Северного Причерноморья при написании научных и научно-популярных работ, в подготовке общих и специальных курсов лекций, при создании музейных экспозиций и выставок.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации в обобщенном виде опубликованы в книге "Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени" (2003), отражены в ряде статей и тезисов или обсуждались в виде докладов на заседаниях Отдела истории античной культуры и Ученого совета ИИМК РАН. Отдельные идеи были изложены в виде докладов и сообщений на Международных и региональных научных конференциях, симпозиумах и чтениях. Среди них международные конференции по военной археологии (Польша: Перкоц, 1990; Лодзь, 1997; Мальборк, 2000; Россия: СПб., 1998); конференция «Фортификация в древности и средневековье» (СПб., 1995); XIII Конгресс Международного союза доисторических и протоисторических наук (Форли, 1996); I Понтийский конгресс (Варна, 1997); II и III конференции "Боспорский феномен" (СПб, 1999, 2001); I, II, III и V Боспорские чтения (Керчь, 2000, 2001, 2002, 2004) и др.

Структура работы определяется основной целью и задачами исследования. Она состоит из введения, шести глав, заключения, библиографии и двух приложений. Некоторые главы разделены на подразделы в соответствии с логикой изложения материала. В качестве основных тем, подлежащих последовательному рассмотрению, выделены организация боспорской армии, наступательное и защитное вооружение, вопросы стратегии и тактики, система обороны границ государства, и военно-политическая история Боспора времени около рубежа и первых веков н.э. Проблемы боспорской фортификации данного периода, поскольку эта тема была достаточно основательно разработана В.П.Толстиковым,¹⁰ затрагивались в общем виде, либо применительно к вводимым в научный оборот данным по фортификации Илурата, наиболее изученной к настоящему времени боспорской крепости I-III вв. н.э. За пределами исследования осталось также изучение военного флота, т.к. практически весь соответствующий материал был обобщен Б.Г.Петерсом в специальной

---

¹⁰ Толстиков В.П. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV-I вв. до н.э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 156-167; Он же. Фортификация античного Боспора. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1981; Он же. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 28-56. Он же. Фонталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археология. 1989. № 1. С. 52-65; Он же. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 41-65.

работе.¹¹ Иллюстрации к тексту составляют приложение 1, а в приложение 2 помещены аннотированные графические реконструкции костюма, вооружения и защитного доспеха боспорских воинов первых веков нашей эры.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении раскрывается актуальность избранной темы и степень ее изученности, формулируются цель и основные задачи диссертационного исследования, определяются его хронологические и тематические рамки, характеризуются научная новизна и практическая значимость работы, отмечаются способы апробации полученных результатов.

Глава 1. Организация боспорской армии.

Как и в предшествующий период истории Боспора, главой армии, несомненно, считался сам царь, и она была для него главным инструментом поддержания власти. Возможно, как высший воинский ранг на Боспоре этого времени следует рассматривать должность, именованную *ὁ ἑπί τῆς βασιλείας*. Широкие военные полномочия, видимо, предоставлялись и лицам, занимавшим такие должности, как "наместник Феодосии", "начальник острова", "начальник аспургиян", "пресбевт" Танаиса. Отметим, что и ранее, при Спартокидах, управление какой-либо областью сочеталось на Боспоре с попечением о вооруженной силе (Isocr. Trapez., 3).

Помимо упомянутых лиц, облеченных доверием монарха, командная структура армии включала ряд должностей, традиционных для эллинистических армий.¹² Так хилиархом мог именоваться крупный военный чин из ближайшего окружения царя или командир наемной царской гвардии, несшей постоянную военную службу при дворе. Скорее всего, начальниками значительных воинских соединений были упоминающиеся в надписях стратеги. Кроме того, две посвященные надписи, относящиеся ко времени правления царей Асандра и Котиса II, поставлены от имени лиц, занимавших должность наварха — командующего флотом (КБН, № 30, 33).

Все перечисленные должности относятся к сфере высшего командования, точную картину иерархии которого трудно представить. Во

¹¹ Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1982.

¹² Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 1990. С. 144; Горончаровский В.А. Командная структура и организация боспорской армии в I-III вв. н.э. // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. С. 38-44.

всяком случае, круг людей такого рода, занимавших высшие придворные и военные посты, был не так уж велик. Известны и менее значимые должности, например, в одной из пантикапейских надписей упоминается спирарх Гаттиан. Этот термин, видимо, обозначал командира боспорского пехотного отряда, примерно равного по численности римской когорте. Примечательно, что отборное войско, готовившееся Митридатом VI Евпатором на Боспоре для продолжения войны с Римом, состояло из шестидесяти отрядов по 600 человек в каждом (App. Mithr., 87). Возможно, именно с этого времени спира, созданная по образцу когорты римскими перебежчиками, стала основной тактической единицей регулярных частей боспорской армии.¹³

Относительно должности лохага можно сказать, что функции его до конца неясны. Видимо, в составе армии лохаги были командирами отдельных отрядов, подчинявшихся непосредственно стратегам без каких-либо промежуточных инстанций. Скорее всего, постоянной численности такие отряды не имели: все зависело от количества воинов, набиравшихся по территориально-административному принципу.

Очевидно, определенную долю боспорского войска составляли воины-профессионалы, получавшие постоянное жалование. Частью это были наемники иноземного происхождения, что было обычной практикой вассальных по отношению к Риму правителей. Как свидетельство наличия в столице отряда фракийских наемников можно рассматривать эпитафию Диза, сына Бифия, где сказано, что он был κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ στείρας Θρακῶν (КБН, № 666). Должность, указанная в эпитафии, обычно переводилась как "центурион и начальник отряда фракийцев", но, если упоминается спира, непонятно почему Диза не называют просто спирархом, да и достаточно скромный характер известнякового надгробия не убеждает в том, что это был военачальник достаточно высокого ранга. Скорее всего, κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ соответствует centurio princeps. В римских вспомогательных войсках так именовали старшего центуриона когорты. Дополнительным указанием на принадлежность фракийской сперы к боспорской армии служит упоминание о командовании этим подразделением, как этапе воинской карьеры одного из приближенных царя Савромата I.¹⁴

Вполне вероятно, что представители династии Тибериев-Юлиев, не менее чем в свое время Митридат VI Евпатор нуждавшиеся в хороших военных специалистах, привлекали на службу бывших офицеров римской армии. К числу таковых можно отнести Марка Ульпия Прима, поставившего

¹³ Блаватский В.Д. Ук. соч. С. 145.

¹⁴ Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985- 1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. Vol. I. P. 74.

в 97 г. статую "своего благодетеля" царя Савромата I (КБН, № 43). Носитель имени Прим, популярного среди римских военных, перегринов и отпущенников и крайне редкого для Боспора, вряд ли был местным уроженцем. Поскольку он получил *praepositi* и *poten* Траяна, когда тот еще был наместником в Германии,¹⁵ можно полагать, что этот ветеран, выйдя в отставку, предпочел службу боспорскому царю скучной жизни в провинции. Спустя полтора столетия на Боспоре появляется римский всадник, "известный августам" Аврелий Родон, сын Лоллея, чья статуя была воздвигнута в Пантикапее в 249 г. (КБН, № 58). Наделенный высшими военными полномочиями он занимает должности *ο ἑπί της βασιλείας* и хилиарха.

Отборная часть боспорских воинов, судя по всему, несла постоянную военную службу при дворе. В случае военных действий это элитное подразделение, подобно "агеме" в войске Селевкидов, по-видимому, выступало как конный корпус численностью в тысячу человек. Когда Фарнак, потерпел поражение в битве при Зеле в 47 г. до н.э., то он возвращается на Боспор именно с тысячью всадников, которые, судя по их недовольству приказом убить коней перед посадкой на корабли, были набраны среди кочевников. Видимо, со времени правления Аспурга на особом положении в составе царской гвардии находились представители родственной правящей династии аспургиан.¹⁶

Часть постоянного войска была рассеяна по гарнизонам городов и, вероятно, подчинялась наместникам соответствующих военно-административных округов. При развертывании масштабных военных действий в состав вооруженных сил Боспора могли включаться военные поселенцы, набиравшиеся среди сельского населения или соседних варварских племен. Подобная практика широко применялась в эллинистических государствах, обеспечивая их внушительный военный потенциал, и часто сопровождалась отменой на определенный период налогов с урожая и плодов земли. В свою очередь военные поселенцы были обязаны нести сторожевую службу, держать под контролем дороги, участвовать в подавлении внутренних волнений или отражении нападений извне. Постоянных расходов из казны такие воинские подразделения не требовали, а в случае вражеских вторжений они избавляли боспорских царей от необходимости содержать большую армию прикрытия в пограничных районах.

¹⁵ Дьячков С.В. Римские граждане на Боспоре // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 246.

¹⁶ Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства: 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 179; Горончаровский В.А., Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже н.э. // Таманская старина. 2000. Вып. 3. СПб. С. 54-58; Он же. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Stratum plus. 2000. № 3. С. 229-236.

Вторая, более многочисленная часть резерва, это жители боспорских городов, роль которых в обороне государства значительно возросла со времени Митридата VI Евпатора. Практика всеобщего набора в войско объясняет большое количество изображений воинов на местных надгробиях и мужских погребениях с оружием. Возможно, с командованием военным отрядом горожан связана должность политарха, фигурирующая в ряде надписей.

В отдельных случаях могли привлекаться и военные силы подчиненных Боспору племен. Для некоторых из них можно предположить прямое управление царя через своих наместников, для других – сохранение племенных вождей. Такие вожди могли инкорпорироваться в военную иерархию царства, оставаясь во внутренней политике достаточно независимыми от центра. Кроме того, мы знаем примеры использования военных отрядов соседних племен (Strab. XI, 5, 8). Такие союзы, безусловно, носили временный характер и могли достигаться либо путем дипломатических браков, либо посредством богатых даров, манипулируя которыми племенные вожди укрепляли свой престиж и политическое влияние.

Относительно состава боспорской армии следует отметить, что на рубеже нашей эры, в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в ней возрастает значение кавалерии.¹⁷ Наряду с отрядами легковооруженных всадников в составе боспорской армии появляется тяжеловооруженная конница – катафрактари. В данном случае под этим термином мы понимаем устоявшееся в отечественной научной литературе определение катафрактариев как действующих в определенном боевом порядке воинов, снабженных тяжелым доспехом и набором наступательного вооружения, в котором главную роль играет длинная тяжелая пика.¹⁸ Появление их на Боспоре можно связать с аспургианами, выходцами из сарматского мира, расселившимися на восточной границе государства, между Фанагорией и Горгипсией, скорее всего, в правление царя Асандра. Такая политика представляется вполне оправданной, поскольку подготовить профессиональных воинов-всадников, в совершенстве владеющих новыми видами вооружения, было достаточно сложно. Очевидно, включение аспургиан в состав военных сил Боспора со временем способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии, хотя на первых

---

¹⁷ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков нашей эры // ANAXAPCIC. Херсонесский сборник. 2001. XI. С. 72-85.

¹⁸ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971. С. 72; Горончаровский В.А. Катафрактари в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. № 6. С. 79-82.

порах, видимо, именно они поставляли отряды тяжеловооруженной конницы нового образца в боспорскую армию.

Формирование отрядов катафрактариев из состава боспорских горожан могло начаться несколько позднее, когда события, связанные с войной Митридата VIII против римлян и своего брата Котиса в 45–49 гг. н. э., наглядно показали всю сложность военных действий без помощи союзной конницы в условиях ведения масштабной войны на границах Боспора.¹⁹ Действительно, в сюжетах многочисленных надгробных рельефов из некрополей Пантикапея и других боспорских городов вплоть до середины I в. н. э. не отмечено каких-либо серьезных изменений в комплексе вооружения всадников и снаряжении коня.

Основная масса лошадей для боспорских конных воинов, очевидно, покупалась, захватывалась и выменивалась у соседних степняков, или поступала от них же в виде дани. Можно предположить, что на Боспоре, как и в царстве Селевкидов, существовали конные заводы, где содержались племенные животные, жили объездчики лошадей, и люди, обучавшие обращению с тяжелым всадническим вооружением. В этом отношении представляет интерес тамга царя Риметалка на пантикапейском надгробии Атты, сына Трифона. Она изображена на лопатке лошади, видимо, полученной из царского табуна.

Возрастание роли тяжелой кавалерии в боспорской армии привело к ряду изменений и в конском снаряжении (Горончаровский, 2001). При отсутствии стремян для тяжеловооруженного всадника особенно важно было удержаться на коне при столкновении с противником. Выходом в данной ситуации стало совершенствование конструкции седла, которое должно было обеспечить устойчивую “глубокую” посадку. Этот процесс связан с центральноазиатским регионом и завершился, по крайней мере, в I в. до н. э., а может быть и ранее.²⁰ Начало распространения на Боспоре седел нового типа, как и набора вооружения катафрактария, можно также связать с аспургианами. В этом отношении интересно отметить, что на стеле Матиана, сына Заидара, найденной в районе расселения аспургиан, четко показан

---

¹⁹ Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45-49 гг. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2001. С. 217-221; *Goroncharovski V. Bosporan cavalry during the war of Mithridates III (VIII) with Rome, 45-49 A.D.* // *Fasciculi Archaeologie Historicae*. Lodz. 2004. Fasc. XV. P. 1-7.

²⁰ *Herrmann G. Parthian and Sassanian Saddlery. New Light from the Roman West* // *Archeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Lois Vanden Berghe*. Vol. II. Gent. 1997. P. 757-809; Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107-121.

горизонтальный выступ седла, что позволяет предполагать использование для его изготовления деревянного каркаса.

Другой тип седла с вертикальными выступами и слегка выпуклой поверхностью мы видим на мраморной стеле начала I в. н.э., поставленной на могиле сыновей Панталеонта из Горгииппии.²¹ Ближайшей аналогией в данном случае являются массивные парфянские седла с вертикальными передними и задними выступами. Сходный тип седла с так называемыми "рогами" получает применение в римской кавалерии, возможно, уже со времени военных конфликтов с Парфией. Реконструкция римского седла из Валькенбурга, имевшего в основе обтянутый кожей деревянный каркас с набивкой, продемонстрировала на практике удивительно высокую эффективность "рогов", компенсировавших отсутствие стремян. Они давали хорошую поддержку для основания спины и бедер всадника, обеспечивали большую устойчивость в момент копейного удара и позволяли не испытывать неудобства в применении длинного меча или лука. Все это повышало возможности воина в условиях конного боя. Даже при отсутствии стремян он мог чувствовать себя в седле достаточно уверенно и, в случае необходимости, далеко отклонять в сторону корпус и руки, держащие оружие.

Большинство боспорских рельефов с изображениями всадников, начиная со второй половины I в., демонстрируют своеобразный местный тип "глубокого" седла с довольно массивной передней частью, завершающейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и защищавшими нижнюю часть туловища воина. Спускающиеся вниз в передней части седла кожаные лопасти прикрывали подпружный ремень, чтобы он не терся о ноги всадника. Обычное изображение седла в профиль, как правило, не позволяет уверенно судить о том, как выглядела его задняя часть: имеются здесь простые вертикальные выступы или сплошная лука. Впрочем, в существовании на Боспоре такой детали седла убеждают фрагмент надгробия I-II вв. из собрания Темрюкского музея²² и терракотовая статуэтка всадника из слоя III в. на поселении Артезиан.²³

Боспорская пехота, как и конница, делилась на тяжелую и легкую, объединявшуюся на поле сражения в рамках отдельных отрядов. При этом воины в защитном доспехе, видимо, выдвигались в передовую линию. При всей условности изображения именно так можно расценивать фрагмент

²¹ Горончаровский В.А. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгииппии // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 184-189.

²¹ Горончаровский В.А. Там же. С. 185. Рис. 2, 1.

²² Винокуров Н.И. Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. № 5. С. 74-77. Рис. 4.

росписи пантикапейского склепа 1872 г., где представлен на марше небольшой военный отряд. У всех пехотинцев короткие мечи находятся справа на манер римских гладиусов, и это не единственная деталь такого рода, демонстрирующая римское влияние на военное дело Боспора. Обращает на себя внимание следующий момент: во главе отряда шествует облаченный в защитный доспех знаменосец, который держит вексиллум - воинский знак, характерный для римлян. Принятые в римской армии значки могли использоваться на Боспоре уже с конца правления Митридата VI Евпатора для управления в бою созданными им подразделениями нового образца.

Глава 2. Наступательное и защитное вооружение.

Период около рубежа нашей эры стал для обитателей евразийских степей временем поиска и разработки новых форм оружия дистанционного боя - лука и стрел, рубяще-колющего оружия, использовавшегося в ближнем бою, и усовершенствования защитного доспеха, что объясняется все большим применением в военных действиях отрядов тяжеловооруженной конницы. Естественно, этот процесс не мог не затронуть территорию Боспорского государства, находившегося в постоянном контакте с кочевым миром.

Мечи. К числу новшеств, заимствованных из военной практики сарматов, можно отнести использование длинных мечей без металлического навершия. Среди них, если следовать классификации А.М.Хазанова, выделяются пять типов мечей, из которых к интересующему нас периоду относятся только три. Самый ранний тип 1, известный в Китае, по крайней мере с III в. до н.э.,²⁴ а в Средней Азии со II в. до н.э., представлен длинными мечами с коротким прямым перекрестьем.²⁵ С I в. до н.э. такие мечи появляются в сарматских погребальных комплексах Прикубанья,²⁶ а затем, видимо, и на Боспоре.

В первые века н.э. на Боспоре и в Прикубанье господствуют мечи типа 2 длиной от 70 до 112 см с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь. Они употреблялись и пехотинцами, и всадниками, но в последнем случае, видимо, обычными были мечи длиной около 1 м и более. Это обусловлено тем, что подобное оружие

²⁴ Skripkin A. Östliche und westliche Neurungen in der materialien Kultur der Sarmaten der europäshen Steppen in den ersten Jahrhundert n. Chr. // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus // Schriften des Archäologische Landesmuseums. Bd. 1. Neumünster. 2003. S. 12. Taf. 1, 4,5.

²⁵ Хазанов А.М. Ук. соч. С. 19-21.

²⁶ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар. 1997. С. 231. Рис. 12.

предназначалось для нанесения прямого рубящего удара с коня, и функционально должно было быть достаточно длинным. Начиная со II в. появляются мечи типа 3 с прямым основанием клинка, для которого характерно сечение, близкое к ромбовидному.

Особенностью боспорских длинных мечей является большое разнообразие в отношении наверший рукояти. Они имеют самую различную форму: усеченного конуса, полусферическую, линзовидную, овальную в сечении и цилиндрическую. Для их изготовления обычно использовались стекло и стеклянная паста, полудрагоценные камни (халцедон, топаз, агат, оникс), янтарь и кость. В отдельных случаях известны навершия в полихромном стиле: из полудрагоценных камней, дополненных золотой или серебряной оправой. Эти элементы в оформлении рукоятей длинных мечей определенно свидетельствуют о вкладе Боспора в развитие их декора.²⁷

Из мечей неместного происхождения, оказавшихся в составе вооружения боспорских воинов, отметим уникальную находку в некрополе Горгии римского гладиуса второй половины I в. Клинок меча при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40-55 см. Об этом можно судить по расположению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания.

Самый распространенный способ ношения боспорских мечей – размещение их с левой стороны, в отдельных случаях на портупейном ремне, прикрепленном к поясу. В данном варианте для подвешивания ножен применялись специальные скобы, получившие широкое распространение от Китая до Европы. Их изображения присутствуют на некоторых боспорских надгробиях. Иногда меч подвешивался на ремне, перекинутом через правое плечо, или пристегивался к гориту, рукояткой на уровне его верхнего края.

Кинжалы, большей частью имевшие перекрестье и металлическое кольцевое навершие, были, наряду с мечами, обычным элементом вооружения боспорцев. Встречаются и кинжалы, рукоять которых завершалась таким же, как у длинных мечей, полусферическим навершием, насаживавшимся на штырь рукояти. Длина их обычно колеблется в пределах 0,33-0,45 м. Клинок в сечении линзовидный без продольного ребра. На боспорских надгробных рельефах ножны кинжалов нередко изображены пристегнутыми к правому бедру кожаными ремешками.

Копья и дротики. Находки наконечников копий, использовавшихся боспорской пехотой и кавалерией, крайне немногочисленны. Тем не менее, если говорить о боспорской панцирной кавалерии, то основным элементом в комплекте ее вооружения была именно пика, длина которой, судя по фреске из склепа Анфестерия, могла достигать 4-4,5 м, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны. Сомнения в

---

²⁷ Хазанов А.М. Ук. соч. С. 21.

существовании столь длинных копий только на основании трудностей обращения с ними вряд ли оправданны.

Боспорские пехотинцы в походном варианте, как правило, имели при себе два копия, длина которых, судя по росписям склепа 1872 г. и надгробным рельефам могла составлять около 2,2–2,7 м. Известные нам типы наконечников боспорских копий первых веков н.э., в основном листовидной или ланцетовидной формы, довольно сильно отличаются друг от друга.

Луки и стрелы. Роль лука в вооружении боспорских воинов первых веков н. э. продолжала оставаться значительной. В частности, широко использовался, правда, в усовершенствованном виде, лук так называемого “скифского” типа. По сравнению с предшествующим периодом его размеры увеличиваются и составляют в натянутом состоянии не менее половины роста стрелка, т. е. около 0,8–0,9 м. В центре его находилась вогнутая рукоять с небольшим перехватом, а окончания “рогов” сильно выгибались вперед, создавая дополнительный рычаг для придания стреле большой начальной скорости. При изготовлении таких луков в отдельных случаях, вероятно, могли использоваться костяные накладки.

Лук “скифского” типа обычно помещался в горит, носившийся на левом бедре. Детали достаточно точно передает деревянный игрушечный горит из детской гробницы середины I в. н. э.²⁸ На его внешней поверхности имеется боковой карман со слегка намеченными древками стрел. Судя по декору, наружная сторона оригинала горита была дополнительно украшена металлическими накладками. Устье расширено в соответствии с формой плеча лука, а ближе к уплощенному дну внешний контур плавно сужается.

К рубежу нашей эры в зоне евразийских степей входит в употребление более совершенный по сравнению со “скифским” лук так называемого “гуннского” типа, имевший достаточно большие размеры – около 1,2–1,6 м. Наличие прямой негнущейся рукояти и выступающих вперед крутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальнобойность, которая позволяла вести обстрел противника со значительного расстояния. На боспорских надгробных рельефах такой лук со спущенной тетивой обычно вложен в длинное налучье на правом бедре.²⁹ Иногда его наличие обозначает колчан с двумя узкими отделениями для стрел. Натягивание тугого сложносоставного лука требовало значительных

²⁸ Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1971. С. 228. Рис. 68, 1.

²⁹ Горнчаровский В.А. Лук «гуннского» типа в комплексе вооружения позднеантичного Боспора// VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тезисы докладов. К 100-летию со дня рождения. М. 1999. С. 43-44.

усилий и при этом, очевидно, использовался "монгольский" способ стрельбы, связанный с применением специальных приспособлений для защиты большого пальца и левой руки от возможного травмирования тетивой. Прежде всего, это наручи в виде широкого браслета на левой руке. К ним можно отнести и подходящие по диаметру для большого пальца два массивных граненых бронзовых кольца из воинского погребения второй половины II – начала III вв. в некрополе Илурата.³⁰

Боспорские стрелы рассматриваемого периода, как правило, имели железные трехлопастные черешковые наконечники с треугольным или ромбическим пером. Распространение достаточно крупных и тяжелых наконечников объясняется, прежде всего, появлением усовершенствованного оборонительного доспеха и мощного лука "гуннского" типа.

Шлемы римского времени представлены, главным образом, двумя типами: конической и полусферической формы, в отдельных случаях с нащечниками и выделенной тульей. Детали конструкции каркасных шлемов конической формы наглядно представлены на известной стеле Менофила в изображении пешего воина с копьем, сопровождающего всадника. Передняя часть шлема, набранная из семи вертикальных полос, имеет выделенную в рельефе тулью, короткий наносник, дугообразные вырезы для глаз и округлые нащечники, соединенные подбородочным ремнем. Другой образец каркасного шлема этого типа, но с прямоугольными нащечниками, мы видим в руках у мальчика, стоящего рядом с воином, на стеле Родона из коллекции Государственного Эрмитажа.

Существенно расширили наши представления о конструкции каркасных конических шлемов находки из дружинных сарматских погребений I–II вв. н. э. у хутора Городского близ восточных границ Боспора. Основу первого варианта таких шлемов составляют перекрещенные внахлест и склепанные железные пластины, второго - четыре сужающихся кверху железных полосы шириной в основании около 7 см (каждая скреплена двумя заклепками с горизонтальной полосой высотой 17 см). В последнем случае их увенчивает слегка заостренное вытянутое навершие, а с боковых сторон у края наклепаны специальные пластины-обоймы для крепления нащечников или подбородочных ремней, отпечаток которых сохранился на поверхности некоторых шлемов.³¹

³⁰ Горнчаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. СПб. 1998. С. 87. Рис. 1, 9; Он же. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I–III вв. н.э. // Acta universitatis Lodziensis. 2001. Т. I. Folia Archaeologica. N 23. С. 71 сл.

³¹ Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1992. С. 248 сл

Конструкцию каркасных шлемов полусферической формы демонстрирует находка из сарматского погребения в кургане 6 у ст. Тбилисская Краснодарского края.³² Шлем, датируемый второй половиной II - первой половиной III вв. н.э., представляет собой бронзовый каркас из трех перекрещивающихся пластин, соединенных в центре заклепкой. Образованные ими сектора переплетены между собой восемнадцатью раздвоенными пластинками. Каркасные пластины нижним краем закреплены на горизонтальном обруче, по бокам которого находились длинные витые проволочки, возможно, основание назатыльника. Полусферический шлем без каких-либо деталей каркасной конструкции (возможно, они просто не показаны) присутствует на известном посвятельном рельефе Трифона из Танаиса.

Защитный доспех первых веков нашей эры представлен на Боспоре несколькими разновидностями: пластинчатые и чешуйчатые панцири, кирасы, кольчуги, комбинированные и кожаные панцири. Все они крайне редко встречаются в погребениях, зато большей частью хорошо представлены в памятниках изобразительного искусства.

Самым ранним изображением длинного пластинчатого доспеха с короткими рукавами и воротом, плотно прикрывающим шею, считается рельеф на стеле Афения, которую Ю.М.Десятчиков относил ко времени не позднее середины I в. н.э. Не получивший широкого распространения в практике военного дела римского времени, длинный пластинчатый доспех, тем не менее, существовал на Боспоре в течение почти двух столетий. Об этом свидетельствует происходящий из Илурата обломок штукатурки с граффито, изображающим катафрактария.³³ Наибольшее применение получил другой тип панциря – чешуйчатый, который известен в двух вариантах. Первый, зафиксированный в росписи склепа 1872 г., имел вид кафтана с короткими рукавами и разрезом внизу длиной почти до колен. Второй вариант представлен панцирем без разреза, как правило, доходящим до середины бедра.

Наконец, с представителями высших командных должностей, видимо, был связан панцирь эллинистического типа, который в римской армии носили военачальники высокого ранга. Он состоял из двух пластин короткой “мускульной” кирасы, соединявшихся сверху наплечниками — эпонидами. Из-под пластин до середины бедер спускался передник из птериг — кожаных полос, имевших металлическую обшивку. Можно даже

³² Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке "прикамских" ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. 1992. С. 115-122.

³³ Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Ук. соч. С. 201 сл.

предполагать наличие в Пантикапее серийного производства кирас римского образца.³⁴

Среди легковооруженных рядовых воинов, несомненно, был широко распространен в силу своей доступности защитный доспех из такого сравнительно дешевого материала как кожа, хорошо известный у сарматов. При относительной легкости кожаные панцири давали достаточно эффективную защиту от стрел и камней, могли ослабить удар меча или копья. Простейший тип их, видимо, представлял собой короткую куртку, которая могла дополняться поясом с нашитыми железными пластинками в передней части.³⁵ Другой тип – это кожаный кафтан до колен с длинными рукавами, армированный круглыми металлическими бляхами, как на фреске из склепа Анфестерия. Остатки подобного панциря, снабженного двумя нагрудными железными бляхами со следами позолоты, были найдены в пантикапейском склепе Юлия Каллисфена.

Достаточно дорогим видом защитного облачения были кольчуги, чем объясняется редкость их находок (курган 1853 г. у Фанагории, Пантикапей, Горгиппия). Несколько целых кольчуг, возможно, боспорского производства, обнаружены в погребениях представителей сарматской аристократии у хутора Городского, где около четверти всех погребенных воинов можно отнести к катафрактариям. Эти кольчуги представляют собой свернутые рулоном, сплетенные из колец рубахи длиной не менее 1,1 м при среднем росте умерших 1,7 м. Возможно, они дополнялись кольчужными штанами или в нижней части оборачивались вокруг ног.

Щиты применительно к коннице были принадлежностью только легковооруженных всадников, поскольку держать длинную пику двумя руками и одновременно использовать щит весьма затруднительно. Единственная находка, которую можно соотнести с кавалерийским щитом (железный умбон), связана с погребением в склепе Юлия Каллисфена. Известны также пантикапейские терракоты-гротески I–III вв., которые изображают всадника, держащего в левой руке большой круглый щит с умбоном.

Боспорские пехотинцы в большинстве случаев изображались с продолговатыми овальными щитами, в силу своих больших размеров нередко заменявшими прочее защитное вооружение. Среди редких для Боспора находок их деталей можно упомянуть часть оковки края щита

---

³⁴ Treister M.Ju. Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosphoros // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin- Marburg. 1994. S. 97.

³⁵ Горончаровский В.А. Погребения с оружием в некрополе Илурата... С. 86.

римского времени из раскопок Пантикапея. Серия из семи железных умбонов найдена в закрытых комплексах середины III в. из Танаиса.³⁶

Глава 3. Боспорская армия на полях сражений

В первом разделе главы рассматриваются вопросы стратегии и тактики, применявшихся боспорской армией в ходе военных операций.³⁷ В большинстве случаев стратегические планы ее командования, видимо, носили оборонительный характер. Противник, даже если это были мобильные конные отряды, преодолевая существующие оборонительные линии, неизбежно должен был замедлить продвижение вперед. В этом случае существенную роль должно было играть получение оперативной разведывательной информации, с тем, чтобы неожиданно напасть на главные силы противника. Быстрое передвижение контингентов пехоты и конницы при отражении набегов и прочих военных акциях обеспечивала сеть дорог между различными укрепленными пунктами. Наряду с этим могли использоваться взаимодействие с флотом и переброска войск с его помощью. Конечно, определенную роль в достижении победы играли также дипломатическая подготовка кампании, ее материальное и инженерное обеспечение. Крупные операции наступательного характера - нанесение внезапного удара по важнейшим центрам противника и глубокое проникновение в его тыл - несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией провинции Вифиния-Понт или непосредственно с императором. В случае возникновения угрозы интересам самой Империи в них могли принять участие подразделения римской армии.

Постоянное противостояние соседним кочевым племенам, заимствование ряда элементов сарматского вооружения и снаряжения коня не могли не сказаться на развитии тактики, которой придерживалась армия правителей Боспора. Естественно, заимствования в этой области воспринимались не механически, а перерабатывались в соответствии с местными условиями. Учитывая структуру боспорской армии, большая роль, скорее всего, отводилась координации действий пехоты с тяжелой и, численно преобладавшей, легкой конницей.

Наибольший эффект действий панцирной кавалерии достигался ее атакой на строй противника плотно сомкнутой массой всадников с пиками

³⁶ *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // БД. 2001. Т. 4. С. 65.

³⁷ *Горнчаровский В.А.* Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Материалы V Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь. 2004. С. 96-103.

при надежном прикрытии флангов. После прорыва линии обороны и отсутствия необходимости перестроения бой для катафрактариев, в том случае, если противник обладал сходным вооружением, очевидно, превращался в серию отдельных поединков. Легковооруженные всадники могли не только начинать сражение, осыпая противника стрелами, или заниматься его преследованием, но и поддерживать в наступлении катафрактариев, которые старались решить исход битвы стремительным натиском и рукопашной схваткой.

Таким образом, главная роль при столкновении с противником отводилась коннице, сопоставимой по численности и составу вооружения с сарматской, тогда как тяжелая пехота была основой боевого порядка. В случае необходимости, она могла успешно наступать или противостоять атаке вражеских всадников, встретив ее стеной щитов.³⁸ Легковооруженные воины под прикрытием тяжелой пехоты, очевидно, покидали строй для метания дротиков и возвращались на свое место, или взаимодействовали с конницей при атаке.

Своего рода иллюстрациями относительно действий боспорской армии на поле боя являются батальные сцены в живописи ряда пантикапейских погребальных памятников второй половины I - первой половины II вв. (склеп 1841 г., Стасовский склеп 1872 г, склеп 1873 г.). Военизация Боспорского царства в этот период с одной стороны, и идея героизации усопшего, воспевания его подвигов в борьбе с врагами с другой, получает в них вполне адекватное изобразительное воплощение. Разнообразные предметы вооружения и воинского снаряжения даны достаточно детально, в то же время многие детали оставались для создававших фрески мастеров малосущественными. Представлены как изображение конного боя, так и совместные действия конницы и пехоты.

Для условий Северного Причерноморья, где преобладает ровная открытая местность, в ходе боевых операций можно предполагать большую роль военного обоза, использовавшегося боспорской армией в целях снабжения и обороны полевого лагеря еще при Спартокидах (Diod. XX. 22). Повозки, поставленные кругом, легко было использовать для предотвращения внезапного нападения в ночное время и в целях эффективной обороны после неудачи в сражении. Подобное укрепление могло на время дать надежную защиту от врага, сдержать атаку его конницы, в нем хранились военное снаряжение и продовольствие

Таким образом, армия Боспора первых веков нашей эры, усвоившая военные достижения своих союзников и врагов, стояла на высоком для того времени уровне, позволявшем успешно отражать нападения воинственных

---

³⁸ *Нефёдкин А.К.* Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus.* 1999. № 3. С. 175.

варварских племен, а также оказывать военную помощь пограничным районам Римской империи.

Глава 4. Система обороны границ Боспорского царства

В первом разделе главы рассматриваются вопросы обороны границ государства. В качестве передовой линии обороны боспорских владений можно рассматривать небольшие крепости и сторожевые посты, выдвинутые в горные и степные районы (Кутлакская крепость; двухкамерные постройки площадью 110–200 кв. м с мощными стенами, располагавшимися в 3,5–5 км друг от друга в окрестностях Бат, и крепости, прикрывавшие подъездные пути к Горгии). Следующей линией обороны на Азиатском Боспоре, откуда можно было контролировать подступы к Фанагории, Кепам и Гермонассе, стал укрепленный район на Фонталовском полуострове, куда входили 12 крепостей, а в Восточной Таврике таковой служили валы предшествующего времени, продолжавшие использоваться в римский период. Перед Узунларским валом на протяжении 50-60 км располагалась практически лишенная поселений "мертвая зона", на преодоление которой, если это не был конный набег, потенциальный противник должен был затратить не менее одного-двух дней. Собственно линии валов, видимо, предназначались, в основном, для защиты от внезапных нападений мобильных отрядов варваров и, в любом случае, существенно снижали возможность их маневра при отступлении.

Дороги и наиболее важные со стратегической точки зрения пункты контролировались сетью хорошо укрепленных усадеб и крепостей, игравших одновременно роль опорных пунктов для защиты прилегающей сельской округи. При их возведении, как правило, максимально использовались особенности природного рельефа, прежде всего, удобные для обороны холмы и мысы и полуострова. Судя по тому, что укрепления вдоль рубежей государства находятся не так уж далеко друг от друга, все они были связаны между собой и, в конечном счете, со столицей, световой или дымовой сигнализацией. Соответственно в короткие сроки могли быть мобилизованы военные силы, способные оказать необходимую помощь отдельным осажденным гарнизонам. Поддержание в постоянной боевой готовности существующих линий укреплений и опорных пунктов было единственно возможным способом обеспечить достаточно эффективную оборону государства, не требующую содержания большой постоянной армии. В противном случае расходы на нее оказались бы слишком обременительными для боспорской династии Тибериев-Юлиев, несмотря на помощь Рима.

Во втором разделе главы рассматриваются материалы раскопок Илурата, имеющие особое значение для изучения фортификации Боспора I-

III вв. в силу исключительной сохранности всех элементов оборонительной системы. Эта крепость, достаточно основательно исследована, в том числе и автором, и полученные данные позволяют охарактеризовать не только проблемы, связанные с развитием боспорского оборонного зодчества римского времени, но и различные, имеющие отношение к военному делу аспекты жизни ее обитателей.

Крепость Илурат являлась самым южным звеном в системе обороны северо-восточной части Керченского полуострова и играла роль военно-административного центра для прилегающей сельскохозяйственной округи.³⁹ Максимальное использование рельефа местности свидетельствует о высоком профессионализме военных инженеров, руководивших ее строительством. Установить облик и размеры первоначального укрепления на этом месте почти невозможно, т.к. ранние слои были практически уничтожены в процессе последующих строительных работ. Остатки оборонительных сооружений I в. в виде небольшой башни и примыкающего участка оборонительной стены с рустованной кладкой сохранились только на северо-восточном склоне городища. Это позволяет говорить о том, что в боспорской фортификации римского времени еще сохранялись традиции позднеэллинистической строительной техники.

Особый интерес представляет решение проблемы водоснабжения крепости.⁴⁰ Выгодные топографические условия не могли компенсировать один существенный недостаток: отсутствие источников воды на территории, окруженной оборонительными стенами. Даже путем устройства цистерн для дождевой воды невозможно было целиком удовлетворить потребности населения Илурата в питьевой воде в случае осады. Выходом стало устройство у подножия скалистого плато колодца с подземным ходом длиной около 50 м. Основная часть трассы этого хода представляла собой траншею, вырубленную с поверхности в материковой глине. Верхний его отрезок, проходивший под оборонительными сооружениями, был выдолблен в скале и, очевидно, выходил на двор близлежащего дома.

---

³⁹ Горнчаровский В.А. Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследования античных городов. М. 1989. С. 36-37; Он же. Крепость Илурат: итоги изучения // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2002. С. 68-77.

⁴⁰ Горнчаровский В.А. Водоснабжение в системе обороны Илурата // Скифия и Боспор (тезисы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1989. С. 75-77; К вопросу о водоснабжении крепости Илурат // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь. 2001С. 31-34.

Ранняя крепость, скорее всего, просуществовала недолго и подверглась разрушению где-то в конце I в. н.э. Сохранявшаяся для западных рубежей царства угроза нападения сарматов и крымских скифов обусловила последующую реконструкцию всей оборонительной системы и жилых кварталов Илурата. Эта масштабная перестройка, судя по фрагментированной строительной надписи (КБН, № 966), проводится не ранее второй трети II в. н.э. Только стремлением к быстрейшему завершению работ можно объяснить использование на самых уязвимых с напольной стороны участках строительства любого годившегося в дело материала, вплоть до архитектурных деталей и антропоморфных надгробий. После перестройки стены крепости имели с трех сторон толщину 2,4 м и только с северо-запада - 1,8 м. И все же, судя по небрежно заделанному пролому близ южной башни, они не могли служить надежной защитой для города. Третий строительный период падает на конец II в. н.э., когда царь Савромат II предпринимает энергичные меры по укреплению обороны государства. В эти годы дополнительно усиливаются три оборонительных линии крепости, к которым в основании был пристроен внешний панцирь, игравший роль противотаранного пояса. С юго-запада и юго-востока дополнительное препятствие создавал ров, выдолбленный в скале на глубину 1,5 м. Он мог заполняться водой только в случае дождей. Видимо, его основное назначение заключалось в том, чтобы затруднить действие стенобитных орудий.

Последним этапом в развитии фортификационной системы Илурата явилось возведение в первой трети III в. н.э. полосы застройки за пределами северо-западной оборонительной стены. Разноуровневые жилые комплексы расположены здесь приблизительно в 30 м от стены, на склоне, образующем небольшую террасу и затем круто обрывающемся вниз. При нападении узкие входные коридоры и проходы между домами закладывались, создавая дополнительное препятствие на пути врага, своего рода "протейхизму". В случае же серьезной угрозы осажденные через калитку в северо-западной стене могли быстро отступить на основную территорию крепости.

Ряд наблюдений позволяет говорить о том, что большую часть жителей Илурата составляли выходцы из варварской среды, размещенные здесь на правах военных поселенцев. Общая численность населения крепости составляла около 1000-1200 человек, которые могли выставить гарнизон в составе не менее 200 воинов.

Илурат прекращает свое существование в связи с событиями периода готских походов. Видимо, нападение на крепость было в известной мере внезапным (клад боспорских биллоновых статеров 242-267 гг.). Почему сильная крепость была оставлена ее гарнизоном без боя, в какой-то степени объясняют результаты недавних раскопок в северо-восточном районе городища, где исследовался жилой дом, разрушенный в результате

землетрясения около середины III в. Следы серьезных повреждений того же времени, вызванных пришедшей с северо-востока сейсмической волной, отмечены и на ряде других памятников Европейского Боспора.⁴¹ Даже если стены и башни Илурата, хотя бы частично пострадали в результате подземных толчков, восстановить их в условиях нестабильной обстановки в государстве и отсутствия средств в казне, вряд ли представлялось возможным. Таким образом, с начала второй половины III в. эта крепость перестала быть важным опорным пунктом в системе обороны Европейского Боспора.

Изучение Илурата, как эталонного памятника боспорской фортификации римского времени, наглядно демонстрирует ее эволюцию на протяжении этого периода и все характерные для нее элементы.

Глава 5. Военно-политическая история Боспорского государства в середине I в. до н.э. - первой половине I в. н.э.: от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального царства

О военно-политической ситуации на Боспоре после смерти Митридата VI Евпатора свидетельствуют лишь отрывочные данные. В основном, они касаются событий, напрямую затрагивавших интересы Рима. Система отношений между двумя государствами устоялась далеко не сразу. Начало было положено в 63 г. до н. э., когда благодаря мятежу, поднятому против отца, Фарнак первым из боспорских царей был объявлен “другом и союзником римского народа”. Впрочем, судя по официальным надписям, он даже не включил наименование “друг римлян” в свою официальную титулатуру, что, как правило, было обязательным для вассальных правителей, и даже более того, спустя несколько лет начал чеканить золотые статеры с надписью “великий царь царей”. Это стало началом растянувшегося более чем на столетие периода, когда Боспор с периодическими колебаниями внешнеполитического курса прошел путь от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального по отношению к Риму царства.

После подчинения ряда племен восточного побережья Меотиды, Фарнак сумел силой овладеть Фанагорией, которой римляне ранее даровали автономию. Осуществляя замыслы о возвращении всего отцовского наследства, начиная с весны 48 г. до н.э., он в короткие сроки

---

⁴¹ *Винокуров Н.И., Никонов А.А.* О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // РА. 1998. № 4. С. 98-114; Они же. Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. I. СПб. С. 95-103.

захватил Колхиду, Малую Армению, Каппадокию, Понт и Вифинию. В данном случае мы имеем достаточно много информации о тактике боспорской армии, обогащенной военным опытом понтийских полководцев. Это применение военной хитрости (укрытие отборных пехотинцев с большей частью конницы в засаде), размещение за построенным для сражения войском скрытого от противника резерва, отрытие рвов для усиления позиций на поле боя, использование для подготовки решающей атаки серпоносных колесниц.⁴²

После разгрома при Зеле в 47 г. до н.э. Фарнак бежал в Синопу и оттуда отплыл на Боспор, где погиб в битве с поднявшим против него мятеж наместником Асандром. Этот правитель укрепил свою власть, женившись на дочери Фарнака Динамии, а затем сохранил ее вопреки воле Рима, разбив войско Митридата VII Пергамского, личного друга Юлия Цезаря. Новый боспорский царь активно занимался укреплением границ своего государства. Кроме того, он, видимо, привлек на военную службу аспургиан - выходцев из сарматской кочевой среды. В любом случае, скорее о политическом, нежели этническом характере данного термина говорит отсутствие аспургиан в списке племен, подвластных Боспору в начале I в. н. э. Они стали для правящей династии надежной опорой на Азиатском Боспоре и той военной силой, на которую всегда можно было рассчитывать в борьбе с внешними и внутренними врагами.

Пока Римскую державу сотрясали гражданские войны, Боспорское царство могло вести совершенно самостоятельную политику. Оно попадает в относительную зависимость от своего могущественного соседа, видимо, только после 22 г. до н. э., когда римский император Август занимался на Востоке реорганизацией вассальных государств. Появление на Боспоре некоего Скрибония, объявившего себя внуком Митридата VI Евпатора, и его женитьба на Динамии вызвали прямое вмешательство Рима в боспорские дела. Очевидно, уже в 15 г. до н. э. полководец Агриппа, зять Августа, от его имени решавший на Востоке дела римских провинций и вассальных государств, поручил понтийскому царю Полемону устранить Скрибония. Боспорцы, не желая войны, и, скорее всего, при поддержке Динамии, сделали это сами и затем пытались помешать Полемону утвердиться на своей территории.

В зарубежной и отечественной историографии существует мнение о том, что дальнейшие действия Агриппы против непокорного Боспора остались незавершенными. Между тем, Иосиф Флавий повествует о присоединившейся у Синопы к Агриппе флотилии царя Ирода и его участии в походе (Jos. Fl. Ant. XVI, 2, 2). В пользу военного успеха Агриппы на

---

⁴² Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.-М. 2003. С. 145-148.

Боспоре свидетельствуют такие поздние авторы как Евтропий и Орозий (Eutrop. VII, 9; Oros. VI, 21, 28), а также тот факт, что по возвращении в Рим сенат назначил полководцу триумф, который, впрочем, так и не был отпразднован (Dio. Cass. LIV, 24, 10). Так или иначе, археологические исследования зафиксировали для конца I в. до н.э. крупные разрушения или гибель в пожаре ряда поселений Европейского Боспора.⁴³ До военных действий на другой стороне пролива, скорее всего, дело так и не дошло. Возможно, в критический момент борьбы с Полемоном, чтобы обеспечить поддержку сильных в военном отношении аспургиан, боспорская царица могла официально усыновить отпрыска одного из их знатных семейств — ставшего впоследствии царем Аспургом.

Относительно дальнейшей судьбы Динамии мы можем только догадываться, но не исключено, что она уцелела в это смутное время и отправилась в качестве заложницы в Рим, где и пребывала вплоть до смерти Полемона в 8 г. до н. э.⁴⁴ Если придерживаться давней гипотезы о втором единоличном правлении Динамии в 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э., становится понятным большое количество надписей, сделанных от имени Динамии или в ее царствование. В любом случае с этого времени статус союзного царства обязывал боспорских правителей, как и других вассальных царей, участвовать в формировании подразделений вспомогательных войск для римской армии, поддерживать дружеские отношения с соседними варварскими вождями, наблюдать за передвижениями кочевых племен, и по возможности воздерживаться от крупных военных акций, несанкционированных Римом.

В период правления Аспурга наблюдается военно-политическая активизация Боспора, которая отразилась в пышной официальной титулатуре. Он именуется великим царем, царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, торетами, псессами, тарпетами и танаитами (КБН, № 39, 40), причем последние два племени при прежних правителях в нее не включались. В надписях также отмечается, что Аспург подчинил скифов и тавров. Впрочем, военный потенциал этих племен не следует переоценивать. У поздних скифов уже с конца II в. до н.э. резко уменьшается количество воинских погребений. Это наблюдение можно рассматривать как отражение процесса сокращения военных сил Скифского царства в Крыму, связанного с переходом большей части его населения к

⁴³ Масленников А.А. Полемон I на Боспоре. // БС. 1995. № 6. С. 158-167.

⁴⁴ Parfenov V. Dynamis, Agrippa und der Friedenaltar. Zur militärische und politische Geschichte des Bosporanische Reiches nach Asandros.// Historia. 1996. Bd. 45. 1. S. 95-103.

оседлой жизни и изменением социальной структуры общества.⁴⁵ К тому же, в I в. до н.э., это царство перестало существовать как единое целое и распалось на ряд областей, во главе которых было несколько правителей.⁴⁶ На первый план в составе позднескифского войска, по-видимому, выходят постоянные немногочисленные дружины из профессиональных воинов, группировавшиеся вокруг правителей и представителей знати.⁴⁷ Для организации масштабных действий против Херсонеса или Боспора скифам были необходимы союзники из числа сарматов, кочевавших в степях к югу или северу от Перекопа.

В это время Боспорское царство, по-видимому, представляло собой серьезную силу, которая контролировала военно-политическую ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье. Стабилизация положения в данном регионе нашла свое выражение в укреплении контактов с Римом, с чем можно связать принятие Аспургом имени Тиберий Юлий, которое становится династическим для правителей Боспора. С этого времени в царскую титулатуру, как правило, включается наименование “друг цезаря и друг римлян”.

Аспург ушел из жизни в сложный момент смены власти в самом Риме. Данные нумизматики свидетельствуют, что контроль над царством, по крайней мере, на полтора года, перешел не к наследнику трона, Митридату, а к вдове Аспурга, продолжавшей чеканить на своих золотых монетах портрет покойного Тиберия. Можно высказать предположение, что такая ситуация стала возможной только в условиях отсутствия молодого Митридата на родине. Не исключено, что он, как и многие другие наследники вассальных царств, был вынужден провести в Риме довольно продолжительное время. Права на боспорский трон официально были утверждены за Митридатом VIII не ранее 38 г. одновременно с решениями, вынесенными в отношении ряда зависимых восточных государств. Несомненно, молодой царь, на первых порах должен был рьяно демонстрировать лояльность своему благодетелю и поддерживать все пропагандистские акции, которыми так богато правление Калигулы. Впрочем, видимо, уже тогда у наследника имени великого противника Рима

---

⁴⁵ *Simonenko A.* Bewaffung und Kreiswesen der Sarmaten und späten Skythen im nordlichen Schwarzmeergebiet // *EA.* 2001. S. 327.

⁴⁶ *Пузровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э.- III вв. н.э. // *ВДИ.* 2001. № 3. С. 99.

⁴⁷ *Высотская Т.Н.* Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // *Материалы к этнической истории Крыма.* Киев. 1987. С. 62-63.

зрели мысли о более самостоятельной, а в перспективе и независимой политике. Вместе с тем, он не стремился раньше времени обострить отношения с Римом.

События, связанные с последовавшей Боспорской войной 45–49 гг., существенно повлияли на военно-политическую ситуацию в Причерноморье и поэтому неоднократно привлекали внимание исследователей. К сожалению, та часть “Анналов” Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, была утрачена и конкретный ход войны, вплоть до ее завершающей фазы, может быть только приблизительно реконструирован.⁴⁸

На начальном этапе армия наместника провинции Мёзия А.Диция Галла, к которой присоединились несколько когорт, прибывших из Вифинии, вытеснила Митридата VIII с европейской стороны Боспора, где он, судя по всему, не пользовался всеобщей поддержкой. Тогда же боспорский царь мог лишиться и флота. По крайней мере, одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произносит фразу о том, что его “на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне” (Тас. *Ann.* XII, 18). Отчетом о предпринятых в тот период военных действиях мог пользоваться Плиний Старший при написании своей “Естественной истории”, поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает “размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война” (Plin. *Hist. Nat.* VI, 3). Приведенная им информация имеет достаточно высокую точность для европейской части Боспора, тогда как описание городов азиатской стороны отличается неконкретностью и значительно меньшей определенностью.⁴⁹ Данное обстоятельство представляется неслучайным. Ведь в римской армии точно составленным планам тех местностей, где идет война, придавалось огромное значение (Veget. III, 6). Вероятно, демонстрация силы оказалась настолько убедительной, что города и ряд зависимых племен на другой стороне пролива поспешили выразить свою покорность Риму.

Через некоторое время после ухода основных военных сил римлян Митридат стал “возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков” (Тас. *Ann.* XII, 15). Очевидно, речь идет о племенах на восточных границах Боспора, а также о связанных с правящей династией аспургианах. После

⁴⁸ Горончаровский В.А. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // *Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире.* Спб. 2002. С. 197-206; Он же. Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н.э. // *ВДИ.* 2003. № 3. С. 129-138.

⁴⁹ *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев. 1977. С. 65 сл.

того, как под началом "мятежника" оказалось достаточно большое войско, был предпринят следующий шаг, создавший непосредственную угрозу для римлян и их ставленника: он "прогоняет царя дандариев и захватывает его престол". На волне этих успехов ему удалось привлечь к антиримскому союзу царя сираков Зорсина. В 49 г. создалась ситуация, когда Котис со дня на день мог ожидать вторжения, ведь область дандариев находилась в низовьях Кубани, в непосредственной близости от городских центров Азиатского Боспора. Далее молодой правитель Боспора и командующий римскими когортами Г. Юлий Аквила, не рассчитывая на свои силы, направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов. Необходимость союза с ними, очевидно, диктовалась отсутствием среди сторонников Котиса всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице противника.

После удачного завершения переговоров все было готово к походу, в котором аорсы должны были противостоять вражеской коннице, а римляне заниматься осадой городов. Вряд ли Аквила и Котис могли выступить против основных сил Митридата, оставив у себя в тылу территорию, контролируемую аспургианами. С развернувшимися на их землях военными действиями, видимо, следует связывать разрушение ряда укреплений Азиатского Боспора. Возможно, война затронула и соседние земли торетов, поскольку среди препятствий, которые преодолело римское оружие в период этой войны, упоминаются "труднодоступные и высокогорные местности" (Тас. Ann. XII, 17).

На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII, затем военные действия переместились на земли сираков. Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада города Успы, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. Тем не менее, дать хотя бы приблизительную привязку этого населенного пункта к современной карте, на наш взгляд, вполне возможно. Из рассказа Тацита мы знаем, что Успа находилась на возвышенности, за рекой Пандой, в трех днях пути от Танаиса (Тас. Ann. XII, 16–17). Конечно, "день пути" расстояние достаточно условное, но по Вегецию скорость движения римских подразделений военным шагом составляла около 5,9 км/час, что при продолжительности дневного марша 6–7 часов дает до 35–40 км в сутки. Таким образом, с учетом крайнего разброса цифр, Успа находилась в 105–120 км от дельты Дона. Если сопоставить эти данные с археологической картой Восточного Приазовья, то в указанных пределах оказывается группа городищ по реке Кирпили, а между ней и Доном поселения этого периода вообще отсутствуют.

Последовавшее массовое истребление жителей Успы заставило сираков прекратить войну и дать заложников, что в скором времени привело к капитуляции Митридата VIII. Так завершилась последняя попытка Боспора

отстоять независимую от Рима позицию. В конечном итоге она способствовала формированию более взвешенной политики империи по отношению к этому вассальному государству и отказу от постоянного присутствия здесь римских войск.

Глава 6. Боспорское царство во второй половине I в. н.э. - середине III в. н.э.: от прочного военно-политического союза с Римом до Готских войн

Со времени правления Котиса I (45/46–67/68) Боспор последовательно выступает как союзное Риму государство, проводя соответствующую политику. В свою очередь Рим был заинтересован в обеспечении безопасности Боспорского царства, сдерживавшего натиск варваров, которые могли угрожать Империи. В связи с этим Котис и его преемники могли получать финансовую поддержку и инженерные кадры для укрепления обороны своих рубежей. Часть субсидий, поступавших на Боспор, могла предназначаться для выплат соседствующим с ним варварским племенам с целью предотвращения их нападений на римские владения в Малой Азии. В свою очередь, в случае ведения военных действий на восточной границе Империи, Боспорское царство могло использоваться как база снабжения римской армии хлебом, рыбой, скотом и кожей.

В дальнейшем, основные силы империи были заняты на дунайской границе и в Иудее, и она уже не могла жестко контролировать ситуацию на северных берегах Понта. Видимо, практически самостоятельно ведет войны с соседними варварами сын Котиса, Рескупорид I (68/69–91/92). Этому царю удалось нанести врагам несколько серьезных поражений. Во всяком случае, на медных монетах конца его правления появляются изображения коленопреклоненного пленника у победного трофея и богини победы Ники. При Савромате I (93/94–123/124) внешняя политика Боспора по-прежнему носит проримский характер. Хотя в надписях этот правитель в первый и последний раз после Фарнака выступает как “великий царь царей всего Боспора” (КБН, № 1048), что свидетельствует об известной самостоятельности, он же характеризуется как “выдающийся друг императора и римского народа” (КБН, № 46). Из посвящения военачальников Парфенокла и Антимаха “богам, дарующим победу” мы знаем, что на начало его правления, около 94–97 гг., приходится благополучно завершенная война со скифами в Таврике (КБН, № 32). Позднее серьезная опасность угрожала Боспору уже на его азиатской стороне, где разворачивается бурное фортификационное строительство. Впрочем, сооруженный в Кехах мощный земляной вал, не спас город от захвата неприятелем, а Патрей и не менее семи укреплений на

Фанталовском полуострове подверглись внезапному разрушению.⁵⁰ Скорее всего, эта угроза исходила от племени псеханов, против которых в 109–113 гг. Савромату I пришлось предпринять несколько походов.⁵¹

Атмосферу напряженной военной обстановки на всех границах царства ярко передает найденная в Керчи пространная надпись, восхваляющая некоего крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателем царя.⁵² Подробно перечисляются его воинские должности и награды: хилиархия, командование фракийской спирой и тяжеловооруженными воинами - гоплитами, золотые почетные знаки за воинскую доблесть. В надписи говорится о поездке чествуемого лица к императору с сообщением о каком-то великом событии. Видимо, здесь имеется в виду военная победа над варварами, судя по контексту, аланами, поскольку далее речь идет о вызове к императору и указаниях с его стороны относительно урегулирования отношений между Боспором и аланскими царями. С информацией об этих дипломатических контактах перекликается сообщение о срочном посольстве, отправленном Савроматом I в столицу империи (Plin. Sec. Epist. X, 63, 64, 67). Наиболее вероятным представляется, что эта дипломатическая миссия была возложена на влиятельного царского сановника и военачальника Ульпия Парфенокла, судя по имени, получившего от императора Траяна римское гражданство и его родовое имя.

В отношении других упомянутых в керченской надписи военных событий отметим, что, впоследствии, выполняя волю Савромата I, чествуемый государственный деятель предпринял поход против скифов через Таврику, и оказался близ Херсонеса. Здесь он встретил царей, очевидно, скифов и тавров, направлявшихся для заключения союза с аланами, и не только отвратил варварских вождей от подобных намерений, но и взял с них клятвы верности. Далее упоминается племя псеханов, как объект пристального внимания самого царя, и прямо говорится о войне со скифами и подчинении тавров.

⁵⁰ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства... С. 54 сл.

⁵¹ Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1990. С. 216-228; Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М. 1999. С. 209-219.

⁵² Vinogradov J.G. Greek Epigraphy of the Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia... P. 73-74; Saprykin S. The kingdom of Bosporos on the turn of our era (Barbarian and Roman impact on its development // Cite's greques societies indige nes et empires mondiaux dans la region nord-pontique: origines et development d'une koine politique, economique et culturelle (VII s.a.c.- III s.p.s.). Bordeaux. 2002. P. 191-203.

С этими действиями боспорского военачальника можно сопоставить обрывочную надпись того же времени из Херсонеса (IPE, I², 369), в которой упоминается о нападении на город и его сельскую территорию соседних варваров: скифов, савроматов и их союзников (тавров?), пожарах и пр. Далее в ней фигурирует некто, чествуемый в декрете, прибывший на 12 день и принявший необходимые меры. Такая оперативная военная помощь могла быть оказана только Боспором.

Эти успехи не избавили западную границу государства от новых нападений. Еще раз усмирять скифов, уже на первом году правления, пришлось сыну Савромата, Котису II (123/124–132/133), о чем говорится в посвящении его наварха Трифона (КБН, № 33). В целом в это время положение Боспора, снова подчинившего Херсонес, было достаточно прочным. Впрочем, даже освободившись от этой зависимости, Херсонес был вынужден вести с боспорским царем Риметалком переговоры о заключении союза, очевидно, оборонительного для отражения нападений варварских племен (IPE, I², 423). В эти годы усилилось давление варваров и на восточные границы Боспора. Около середины II в. Танаис пережил какую-то военную катастрофу, сопровождавшуюся пожарами и разрушениями не только домов, но и оборонительных башен,⁵³ восстановление которых и постройка новых зафиксированы многочисленными строительными надписями.

Позднее владения Боспора подверглись новому натиску сарматских племен. Скорее всего, не случайно, между 170/171 и 173/174 гг. здесь прекращается монетная чеканка. Скорее всего, это было обусловлено не только экономическим, но и внешнеполитическим кризисом. В конце II в. движение из-за Дона новой волны сарматских племен докатилось не только до границ империи, но и степного Крыма. В недавно найденной в Болгарии латинской надписи для этого времени упоминается еще одна Боспорская война.⁵⁴ Поскольку Савромат II (173/174–210) явно делал ставку на укрепление связей с империей и ни о каком боспоро-римском противостоянии в этот период не может быть и речи, приходится сделать вывод о том, что около 186–193 гг. крупномасштабные военные действия затронули основную территорию Боспора. Для предотвращения этой угрозы потребовались совместные действия боспорской армии и солдат I Италийского легиона, поскольку военнослужащие именно этого подразделения составляли основу для наиболее близко расположенных к Восточному Крыму гарнизонов Херсонеса и Харакса. Возможно, как и ранее

⁵³ Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Ук. соч. С. 59-60.

⁵⁴ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя... С. 108-112; Сарновский Т. О Боспорской войне в конце II в. н.э. // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Światowit: Antiquity. 2000. Vol.V. С. 246-248.

в экстренных случаях, были привлечены вспомогательные войска из провинции Вифиния-Понт, откуда осуществлялся военно-политический контроль за ситуацией в Боспорском царстве. Не исключено, что с этими событиями связаны два надгробия солдат IV Кипрской когорты Луция Волузия из центурии Секунда и Гая Меммия, похороненных в Пантикапее.⁵⁵

Энергичные меры, предпринятые Савроматом II, позволили исправить создавшееся на границах Боспора положение. Дошедшая до нас надпись 193 г. из Танаиса повествует о том, что царь, “завоевав сирахов и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавания в Понте и Вифинии...” (КБН, № 1237). Она посвящена царским заместником Зевсу, Аресу и Афродите, но сам Савромат II, видимо, в связи с теми же событиями, отдельно почтил бога войны, отремонтировав его храм и находящуюся в нем статую (КБН, № 63). Укреплению престижа правившей на Боспоре династии должна была служить парадная серия монет с изображением подвигов Геракла, проводившая прозрачную параллель между победами Савромата II и деяниями его легендарного прародителя.⁵⁶ Эти монеты были отчеканены в небольшом количестве и могли использоваться как награды для участников военных действий, направленных против врагов Боспора.

Это было время наивысшего расцвета военной мощи Боспорского царства в первые века н. э. и, видимо, угроза скифских нападений на его западной границе, таким образом, фактически была ликвидирована. В то же время, для восточных рубежей государства серьезной проблемой продолжали оставаться военно-политические контакты с аланами. Иначе трудно объяснить появление на Боспоре, согласно надписи 208 г. из Гермонассы, должности главного аланского переводчика (КБН, № 1053).

Занимавший трон в 211/212-228/229 гг. Рескупорид II также успешно противостоял соседним варварам и даже назван в одной из надписей царем Боспора и тавроскифов (КБН, № 1008). Однако, в дальнейшем на фоне ослабления Римской империи ухудшается и экономическое положение Боспорского царства, что выразилось в увеличении объема монетной чеканки и снижения содержания золота в статерах.⁵⁷ В условиях обострения внешнеполитической обстановки постоянным становится институт соправительства, что позволяло быстрее реагировать на ситуацию,

⁵⁵ *Зубарь В.М.* Еще раз по поводу интерпретации надгробия солдата Кипрской когорты Луция Волузия из Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб. 2002. 57-67.

⁵⁶ *Горончаровский В.А.* Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. 1984. № 3. С. 90-93; *Масленников А.А.* Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 175-183.

⁵⁷ *Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 343.

складывавшуюся в пограничных районах и, в любом случае, обеспечивало продолжение правящей династии.

Во второй четверти III в. варварский мир близ рубежей Боспора пришел в движение (аланы, германские племена) и к середине столетия этнополитическая ситуация на его границах существенно изменилась. В период последовавших вслед за этим “готских походов” в значительной мере пострадала хорошо налаженная система обороны государства. Позднее его военный потенциал восстанавливается, но уже далеко не в прежнем объеме.

В заключении подведены краткие итоги и сформулированы основные выводы исследования.

После Митридатовских войн Боспор оказался в ситуации, когда, при всей значимости взаимодействий с ираноязычным варварским миром, определяющим фактором для его внешней политики становятся отношения с Римом. Рассматриваемый в данной работе период можно разделить на два этапа. В первом из них Боспорское царство прошло путь от фактической независимости к окончательному обретению статуса вассального царства. Для полной реализации стремления римских властей иметь на Боспоре в лице дружественного правителя оплот против варваров и враждебных царей потребовалось почти целое столетие: с середины I в. до н.э. до завершения Боспорской войны 45-49 гг. На данном этапе окончательно формируется структура армии и система обороны государства, позволившая ему стабильно развиваться вплоть до середины III в. н.э. Поддержание в боевой готовности линий земляных валов и опорных пунктов в виде крепостей и укрепленных поселений позволяло отказаться от содержания большой постоянной армии.

Влияние римского военного искусства выразилось, главным образом, в использовании боспорской армией в качестве тактической единицы сперы, созданной по образцу когорты. Появление новых элементов в комплексе наступательного и защитного вооружения и конском снаряжении, видимо, связано с родственными правящей династии аспургианами – выходцами из сарматской кочевой среды. Их включение в состав военных сил Боспора со временем способствовало изменению структуры и вооружения местной кавалерии. Итогом событий, завершающих первый этап боспоро-римских отношений, стала более взвешенная политика империи по отношению к Боспору, как вассальному государству и отказ от постоянного присутствия здесь римских войск.

Начиная со второй половины I в., Боспорское царство существует в условиях прочного военно-политического союза с Римом. Уже в начале данного этапа ухудшается обстановка на дунайской границе империи, а близ рубежей Боспора появляются аланы, представляющие угрозу и для

восточных римских провинций. Империя оказалась заинтересована в сохранении этого царства, прежде всего, как важного фактора поддержания военно-политической стабильности в причерноморском регионе. Поэтому основной задачей правителей Боспора стало усиленное обеспечение его безопасности за счет собственной военной силы или, по крайней мере, предоставление точной информации о передвижениях варварских племен. Крупные наступательные операции, несомненно, должны были согласовываться с римской администрацией близлежащих провинций или непосредственно с императором.

С возрастанием значения кавалерии, особенно в случае ведения масштабных военных действий на границах Боспора, связано формирование отрядов катафрактариев из состава боспорских горожан. Это способствовало распространению на Боспоре таких элементов сарматского вооружения как длинные мечи без металлического навершия, тяжелая пика, лук "гуннского" типа, шлемы каркасной конструкции и длинный пластинчатый доспех с воротом, прикрывающим шею. Конечно, многие достижения воинственных соседей были отчасти переработаны на Боспоре. Обладая собственной металлургической базой и развитым ремесленным производством, это государство, в свою очередь, очевидно, поставляло различные предметы вооружения союзным варварам.

Сложившаяся на протяжении нескольких столетий система отношений Боспора с Римской империей и варварским окружением нарушилась во времена готских походов, когда римские войска были выведены из Таврики. Тогда же была частично разрушена или успела придти в упадок хорошо налаженная, глубоко эшелонированная оборона пограничных рубежей Боспорского государства, продолжившего свое существование уже в новой этнополитической ситуации.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монография:

1. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб: Изд-во "Петербургское востоковедение"; М: Изд-во "Филоматис". 2003. 224 с.

Статьи и тезисы:

2. Новый тип двойного денария Савромата II // Вестник древней истории. 1984. № 3. С.90–93.

3. Граффито из Илурата с изображением катафрактария// Тезисы IV Высшей школы молодых востоковедов. М., 1986. Т.1. С.184–185 (в соавторстве с В.П.Никоноровым).

4. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // Вестник древней истории. 1987. №1. С.201–213 (в соавторстве с В.П. Никоноровым).

5. Оборонительные сооружения Илурата// Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов науч. конференции. М., 1989. С.36–37.

6. Водоснабжение в системе обороны Илурата// Скифия и Боспор (тезисы конференции памяти академика М.И.Ростовцева). Новочеркасск, 1989. С.75–77.

7. Греко-скифские взаимодействия на территории Европейского Боспора в I–III вв. н.э. // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов науч. конференции. Симферополь, 1991. Вып.1. С.38–39.

8. К вопросу о боспорских катафрактариях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТД VI науч. конф. Ростов н/Дону, 1992. С. 40–42.

9. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // Скифы, сарматы, славяне, Русь: Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С.79–82.

10. Крепость Илурат в системе обороны западных границ Боспорского царства в I–III вв. н.э. // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологич. семинара ИИМК. СПб., 1995. С. 60–62.

11. Puraton - a fortress in the defensive system of the west border of Bosporan kingdom in the 1st-3rd centuries A.D. // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forli, 1996. Vol. I. P. 316–317.

12. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология. Материалы междунар. конференции. СПб., 1998 С.85–89.

13. Лук “гуннского” типа в комплексе вооружения позднеантичного Боспора // VI чтения памяти проф. В.Д.Блаватского. Тезисы докладов. М., 1999. С.43–44.

14. Новая серия публикаций древностей Северного Причерноморья античной эпохи (M.Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musee de l'Armee Polonaise a Varsovie. Torun. 1995) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 436–438

15. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры// Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Таманская старина. Вып. 3.. СПб., 2000. С.54–58.

16. Кавалерия позднеантичного Боспора // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров (античность – средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь. 2000. С.52–60.

17. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // STRATUM plus (СПб.; Кишинев; Одесса). 2000. № 3. С. 229–236.

18. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Сб. памяти Ю.В.Андреева. СПб: Изд-во "Алетейа". 2000. С. 255-257.

19. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Херсонесский сборник. 2001. Вып. XI. Севастополь. С. 72-85.

20. К вопросу о водоснабжении крепости Илурат// Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь. 2001. С.31-34.

21. Предметы вооружения из раскопок некрополя Илурата I-III вв. н.э. // Acta universitatis Lodziensis. T. I. Folia Archaeologica. 2001. N 23. S. 69-74.

22. Седло в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н.э. // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Ашхабад. 2001. С. 86-88.

23. Between the Roman Empire and Barbarians: Innovations in the Warfare of the Bosporan kingdom during the end of the 1st century B.C. - 2nd century A.D. // XIV International Congress of Prehistoric and Protohistorical Sciences. Liege. 2001. P. 305-306.

24. Watersupply in the defensive system of Bosporan fortress Iluraton // 6th Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Final Program and Abstracts. Lisbon. 2001. P. 221-222.

25. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45-49 гг. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы междунар. науч. конференции. Ч. 2. СПб. 2001. С. 217-221.

26. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб. 2002. С. 197-206.

27. К вопросу об инновациях в комплексе снаряжения верхового коня на Боспоре первых веков н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X междунар. науч. конференции. Ростов н/Дону. 2002. С. 115-118.

28. Крепость Илурат: итоги изучения (к 175-летию начала исследования) // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сб. науч. материалов III Боспорских чтений. Керчь. 2002. С. 68-77.

29. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии // Hyperboreus. Studia Classica. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. Petropoli. С. 184-189.

30. Римско-боспорский конфликт 40-х гг. I в. н.э. // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 129-138.

31. Командная структура и организация боспорской армии в I-III вв. н.э. // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. Севастополь. С. 38-44.

32. Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Материалы V Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь. 2004. С. 96-103.

33. Bosporan cavalry during the war of Mithridates III (VIII) with Rome, 45-49 A.D. // Fasciculi Archaeologie Historicae. Lodz. 2004. Fasc. XV. P. 1-7.